

Вырезка из газеты

ГРОЗНЕНСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Грозный

23 ФЕВ 1977

На голубом экране

ПОЭЗИЯ ДРАМАТИЗМА

ИМЯ МАХМУДА ЭСАМБАЕВА само по себе настолько широко известно, что вынесенное в титры служит самой лучшей рекламой нового цветного телевизионного фильма-концерта о его искусстве. И вместе с тем обязывает. Нужно немалое мужество взяться снимать ленту об этом художнике танца. Потому что искусство Эсамбаева высоко и уникально. И, значит, всегда есть опасность сделать фильм, который будет по уровню ниже творчества этого мастера.

Суламбек Мамилов, режиссер и сценарист, сделал попытку сказать языком кинематографа свое слово о самобытном исполнителе танцев народов мира. У него было на это право. Год назад он отснял поэтичную ленту о государственном ансамбле танца Дагестана «Лезгинка». Фильм был тепло принят зрителями. Эту работу высоко оценила пресса (журнал «Телевидение и радио»). Она была представлена на Всесоюзном фестивале телевизионных фильмов в Тбилиси и получила специальный приз — впервые в истории телевизионных кинокартин Северного Кавказа.

Успех «Лезгинки» принес скупой и точный отбор кадров. В этом фильме так легко было сбиться на экзотику, раствориться в наборе красивых планов. Суламбек Мамилов показал нам только то, что характерно для Дагестана: пленительные танцы на фоне каменных гор, синего моря и седой древности, которая смотрит на нас всезнающими и молчаливыми глазами бойниц могучих крепостей. Во время просмотра фильма ловишь себя на том, что невольно испытываешь ощущение слитности танцев и природы, среди которой они были рождены.

«Лезгинка» заставила взглянуть на С. Мамилова как на интересного, обещающего художника с собственным художественным восприятием мира. И вот новая работа.

Когда смотришь цветной фильм «Махмуд Эсамбаев», конечно же, не задумываешься над тем, сколько месяцев напряженной работы заняли съемки, сколько это стоило душевных и физических сил и режиссеру, и всему съемочному коллективу. Сценарий картины рождался долго, в мучительных раздумьях. И все-таки, когда приступили к съемкам, как часто бывает в этих случаях, многое снова переосмыслилось. Недаром говорят: фильм делается трижды. Первый раз, когда пишется сценарий. Второй — когда снимается. И третий — когда монтируется.

С. Мамилов принадлежит к тем режиссерам, которые работают над каждым кадром от сценария до того момента, когда фильм уже смонтирован. Даже, когда уже кажется, что все сделано, ничего изменить нельзя, он все думает, ломает смонтированные куски и находит тот единственный вариант, который удовлетворяет его до конца.

Хочется сразу отметить профессионализм операторской работы. Фильм снят операторами Грозненской студии телевидения Н. Куаном и Ю. Тимофеевым. Заслуживает одобрения и работа художника М. Поланкоева, чьи экспрессивные, яркие скульптуры, безусловно, украсили фильм, помогли режиссеру донести до зрителя те мысли, те ассоциации, которые волновали его самого. Гармонично вписывается в фильм музыка, подобранная звукорежиссером В. Беспаловым. Итак, фильм «Махмуд Эсамбаев».

ОН НАЧИНАЕТСЯ танцем-легендой о Чечено-Ингушетии. Всадник в бурке, повязанный по самые глаза башлыком, мчится по горной долине. Вот он остановился у реки. Чистая струится вода, отражая горы, лес на склонах и возвращая ему, всаднику, давно покинутому родной край по недоброй воле обычая, воспоминания детства. И мальчишки на конях будут весело мчаться к реке. И несколько кадров, сделанных замедленной съемкой, подскажут, что это — мечта, воспоминания о жизни далекой и счастливой. Этот танец-легенда как очищение души, как песня матери, которую помнишь всю жизнь, до последнего вздоха. Режиссер пришел на помощь танцору и

помог ему: раскрыл скрытую в его танце глубину и значимость. И мы благодарны ему за это.

В ФИЛЬМЕ «Махмуд Эсамбаев» восемь танцев. Разных танцев разных народов мира. И подход к их воплощению тоже разный. «Испанский танец» исполняется на пустых подмостках, которые, кажется, хранят жар южного горячего солнца. И белизной слепят горизонтальные, сдержанные линии архитектурного сооружения на заднем плане. И эта строгость, сухость линий подчеркивает строгость, сдержанную страсть испанского танца.

Медленному танцу «Золотой бог» предшествует мучительно медленный заход солнца в море. И красно-красавый его диск вызывает неясную тревогу, как и сам танец золотого бога, на какой-то миг утратившего гармонию и мучимого поисками ее.

Впечатляет цыганский танец, снятый в затеречной степи, где необъятен простор и где вольно бродят ветры и им навстречу мчится на лихом скакуне молодой цыган. Вот он с ходу соскочил с седла и растянулся на земле. Теплой, пахнувшей свободой и полынью. Это поэтический пролог танца. Но когда мы смотрим уже сам танец, мы помним и о степи, и о ветре, и о цыгане на скакуне и вдруг ловим себя на том, что радуемся вместе с ними этой степи и вольному табуна коней на ее вольных просторах. И с сожалением задумываемся над тем, что мы, городские люди, все больше утрачиваем связь с окружающей нас природой. И потеря этой связи осознается нами с каждым днем все острее.

Восемь танцев, составляющих фильм-концерт, — это восемь драматических новелл о современном мире. В «Легенде о Чечено-Ингушетии» — драма человека, вынужденного по воле злого обычая долго жить вдали от родной земли. В «Аutomate» — драма человека в бездушном мире капитала, где никого не интересует ни он сам, ни его мысли, ни чувства. И от него хотят только одного: быть послушным, автоматом, готовым беспрерывно исполнять чужую волю. В «Испанском танце» — драма матадора, жизнь которого — вечный риск, опасное соседство со смертью. И как предвестие дальней трагедии — горит, предупреждает зловеще красная мулета. «Русский танец» — рассказ о драме человека, потерявшего родину, и радости, счастье ее обретения.

В красочном, эмоциональном «Павлине» режиссеру удалось найти единственно необходимые планы, которые предшествуют танцу. Движение камеры — и на экране то цветное оперение павлина, то похожие на хвост павлина острые, колючие кактусы. Это ключ ко всему танцу, рассказывающему о коварстве блистательной, но бездуховной красоты, ничтожестве надменной пустоты. В этой хореографической новелле звучит мысль-предупреждение о том, что красота не всегда есть признак гармонии.

О гармонии думаешь, и когда смотришь заключительный танец «Макумба» — один из наиболее удачных в фильме. Этот сюжет поставлен с большим вкусом и изобретательностью главным режиссером театра имени Х. Нурадилова Р. Хакишевым.

На песке, среди тотемов разворачивается драматический танец жреца, который утратил веру в могущество родовых богов. И эта драма прозрения так велика, что жрец гибнет. Глубина замысла, понимание природы танцев Махмуда Эсамбаева сказались в том, что режиссер-постановщик С. Мамилов не поспешил поставить точку на смерти жреца. Нет, мы еще увидим, как пойдет дождь. И погаснут горящие, обугленные тотемы. И снова к солнцу потянется нежная зелень травы. Гармония мира не может быть нарушена вечно. И этот очистительный дождь в последних кадрах фильма воспринимается как вера в торжество разума, добра, справедливости, вера в конечную гармонию человека и природы.

В. БОГДАНОВ.